

Romanas Radovičius – istorijos mokslų daktaras, Ukrainos nacionalinės mokslų akademijos Liaudies kultūros instituto mokslo darbuotojas.

Moksliniai interesai: istorija, etnologija, liaudies kultūra.

Adresas: 15 Svobody Avenue, Lviv, 79000, Ukraine.

Roman Radovich: PhD in History, researcher of the Folk Culture Institute, Nacional Academy of Sciences of Ukraine.

Research interests: history, ethnology, folk culture.

Address: 15 Svobody Avenue, Lviv, 79000, Ukraine.

Роман Радовыч

ПОЛЕССКИЙ СТОЛ: КОНСТРУКТИВНЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ, ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

(к вопросу о появлении стола в жилище Полесья)*

Anotacija

Straipsnyje nagrinėjamos šiandien visiems įprasto, kasdienio baldo – stalo funkcinės ir konstrukcinės ypatybės bei jo atsiradimo aplinkybės Polesės regione. Atliktas tyrimas rodo, kad stalas valgymo reikmėms skirtu baldu tapo palyginti neseniai. Pirminė jo paskirtis – sakralinė.

PAGRINDINIAI ŽODŽIAI: Polesė, interjeras, stalas, suolas, suoloelis.

* В работе для обозначения административных единиц использованы следующие сокращения: Ровненская обл. – Ров., Березновский р-н – Берез., Володимирецкий р-н – Волод., Дубровицкий р-н – Дуб., Заречненский р-н – Зар., Рокитнянский р-н – Рок., Сарненский р-н – Сар. Костополюский р-н – Кост.; Волинская обл. – Вол., Любомльский р-н – Любом., Любешовский р-н – Любеш., Камень-Каширский р-н – К.-Каш., Шацкий р-н – Шац., Ратновский р-н – Рат., Маневицкий р-н – Ман., Старовижовский р-н – Стар.; Житомирская обл. – Жит., Емильчинский р-н – Ем., Новоград-Волинский р-н – Н.-Вол., Овруцкий р-н – Овр., Олевский р-н – Ол., Коростенский р-н – Кор., Лугинский р-н – Луг., Малинский р-н – Мал., Народицкий р-н – Нар., Радомышльский р-н – Рад.; Киевская обл. – Киев., Ивановский р-н – Ив., Полесский р-н – Пол., бывший Чернобыльский р-н – Чер

Abstract

The article deals with the structural-genetic and cultural-genetic aspects of table evolution. Varieties, design features as a separate element, as well as element of the interior of the dwelling (stationary benches, mobile benches, small benches) have been analysed. The table in the Polissya dwelling performed originally a sacred-symbolic function as it was investigated in field material and written sources. Table played a role of a kind of a home altar. As a place for everyday eating table began to be used quite late. Table predecessors were stationary benches, mobile benches and small benches.

KEY WORDS: Polissya, interior, table, bench, small bench.

doi:<http://dx.doi.org/10.15181/rh.v21i0.1529>

Одним из наиболее стойких этнических показателей, характеризующих различные группы восточных славян, является внутренняя планировка интерьера жилого помещения, которая определяется двумя основными показателями: размещением диагонали печь – красный угол («покуть») и направлением, в котором повернута челюсть печи (Бломквист 1956, 212). Для традиционного народного жилища украинцев характерным является размещение печи в углу между пороговой и тыльной стенами, с челюстью, обращенной в сторону лицевой стены. Красный угол, соответственно, находится в диагонально противоположном углу (между лицевой и боковой («прычильковою») стенами) (Бломквист 1956, 212).

Типичная внутренняя обстановка сельской избы с одним жилым помещением формировалась на протяжении веков и отличалась определенным набором предметов, их размещением, а также системой отопления и освещения. Как подчеркивают ученые, внутреннее устройство украинской хаты (XIX в. – *Р. Р.*) во всех местностях, начиная от западной части Курщины и Воронежчины и оканчивая восточными склонами Карпат предельно однотипное (только с незначительными локальными вариациями) (Вовк 1995, 112–113). Возле входа в избу по одну сторону, в углу, – печь, по другую сторону или возле печи – полка или «мысник» на посуду, между печью и боковой («прычильною») стеной – «пол» для спанья (или кровать). В углу, диагонально противоположном печи («на покути»), – стол, над ним – иконы («образы»). Вдоль боковой и лицевой стен находились стационарные скамьи («лавы»), между столом и кроватью – сундук (иногда последний заменял стол), а возле стола или печи – подвижная

скамейка. В углу между дверью и печью стояли «*кочэргы*», «*коуюбы*»¹, возле посудного шкафа – ведро с водой (Бломквист 1956, 229; Вовк 1995, 112–113; Миронов 1987, 120–121).

Размещение главных предметов внутренней обстановки полесского жилища XIX – нач. XX в. (скамей, пола, полка, стола, печи) в общих чертах отвечало общеукраинскому (Чубинский 1877, 389–390), однако вследствие влияния определенных факторов местный интерьер отличался особенностями, присущими собственно этому этнографическому региону. В первую очередь это связано с достаточно «заторможенным» (в то же время, относительно отдельных регионов, – диахронным) процессом проникновения в полесское жилище прогрессивных явлений, а соответственно – долговременному сохранению реликтовых, примитивных конструкций и форм, которые массово использовались в народном зодчестве Полесья вплоть до нач. XX в. (Гурков 1988, 307). Ведь еще во второй половине XIX – в начале XX в. на Полесье сосуществовало курное (по-черному), полукурное и «*чыстэ*» (по-белому) отопление.

Невзирая на значительный объем работы, проделанной учеными в сфере исследования интерьера жилища, ряд важных вопросов, касающихся внутреннего оборудования полесской (как и вообще украинской) избы, остаются не решенными. В первую очередь это касается эволюции стола. Этнологи рассматривают стол как разновидность народной мебели, предназначенной для употребления пищи. В то же время они отмечают, что в традиционном жилище стол занимал почетное место и в представлениях украинцев «был связан с системой верований, обычаев, корни которых уходят в глубокую древность» (Сивак 2007, 570). Исходя из сказанного, становится понятным, что при исследовании эволюции стола, кроме рассмотрения его конструктивных особенностей, особое внимание следует сконцентрировать еще на двух важных функциональных аспектах: стол как предмет домашнего обихода, предназначенный для употребления пищи, и его сакрально-символическое значение в жилище.

¹ На Полесье этот угол называли «*коую'бнык*», «*качэруо'жнык*», «*кочэрэ'жнык*», «*кочэры'жнык*», «*кучэрэ'жнык*», «*посохы*», «*выло'шныкы*», «*ваджу'жнык*») (Лисенко 1974, 246; Сербов 1915, 17).

Хотя вопрос генезиса стола, его прототипа, а также времени появления в сельском жилище украинцев, как и славян в целом, часто поднимался в специальной литературе, он до сегодняшнего дня остается до конца не выясненным. В частности, из территории Украины нет археологических данных о его бытовании как в древнерусских, так и более древних домах (Моздир 2008, 164–165; Сергеева 1999, 72–73). Что касается жилищ феодальной знати, то известный чешский ученый Любор Нидерле отмечал, что в богатых домах древнерусских князей и бояр высокий стол был известен уже с XI в. (а на территории Болгарии даже несколько раньше) (Нидерле 1956, 266). Главный блок информации о столе (как и о другой мебели) в домах древнерусской феодальной знати времен Киевской Руси содержат миниатюры Радзивилловской летописи (XV в.), Сильвестровского списка «Жития Бориса и Глеба» (XIV в.), Остромирового Евангелия (1056 г.) и др. (Арциховский 1944, 6; Моздир 2008, 165; Сергеева 1999, 72–73). Стол часто встречается в описаниях замковых сооружений украинской знати, казацкой старшины XVI–XVII вв. (Приходько 1975, 155–157), а с начала XVIII в. и в жилищах духовенства (описание поповского двора у г. Стародуб; 1739 г.) (Приходько 1975, 157). Появление стола на высоких ножках в сельском жилище отдельные исследователи условно относят также к XVI–XVII вв. (Моздир 2008, 166; Baranowski 1919, 122–123). Однако, на наш взгляд, этот тезис в действительности является достаточно условным, поскольку местами, в частности на западе Украины (Холмщина, Подляшье), еще во второй половине XIX в. стол (на высоких ножках. – *Р. Р.*) в доме был не всегда (Kolberg 1890, 75). Вместе с тем, описывая в середине XVII в. внутреннюю обстановку сельской хаты Среднего Поднепровья (ныне Черкасская обл.), К. Гильденбрант о столе не упоминает вообще (Оляничин 1937, 56, 59). И это учитывая, что даже такие незначительные компоненты интерьера как колыбель или кувшин с водой, который стоит возле двери, он не обходит вниманием (Оляничин 1937, 56, 59). Правда, в светлице гетмана Б. Хмельницкого автор отмечает стол, но настолько узкий, что «за ним гетман сидел сам» (Оляничин 1937, 57).

Как и везде в Украине (Моздир 2008, 164), стол («*стил*», «*стол*», «*стул*», «*сто'лік*», «*столець*») в полесском жилище XIX – начала XX вв. занимал особенное, почетное место – в «*покути*» (в углу, диагональ-

но противоположном к печи), под иконами. Обычно его ориентировали длинной стороной на «*прычилкову*» (боковую) стену, однако случалось, что стол размещали вдоль стены «*лыцэвойи*» (например, Речицкое Полесье (Pietkiewicz 1928, 228)). Такое же его размещение известно и на юге Среднего Полесья (сс. Пэрэброды, Мочуль, Ремль, Коротичи) (Dmochowski 1934–35, 316 (Rys. 7), 318 (Rys. 9), 319 (Rys. 10, 11), 320 (Rys. 12), 321 (Rys. 13). Это подтверждают и другие источники из Полесья Беларуси: «Чуть ли не в каждом районе существует [...] свой особенный порядок устанавливать в избе стол, а собственно – в одних принято ставить его в углу возле передней скамьи, а в других примещают его там же вдоль боковой стены» (Сербов 1915, XI).

Основными (обязательными) конструктивными частями стола была столешница («*стильны'ця*», «*сто'лныця*», «*ви'чко*», «*до'ска стола*», «*блят*», «*бля'то*», «*ля'до*», «*кры'шка*») – плоская горизонтальная часть, являющая собой одну или две–четыре скрепленные между собой доски, и (обычно четыре) ножки («*но'жки*» «*но'гы*», «*но'ги*», «*ла'пы*»). «*Сто'лныця*» с ножками могла соединяться посредством неширокой царги. В том случае, когда столешницу поддерживали две пары перекрестных ножек, их называли «*ко'злыкы*», «*кры'жки*», а стол – «*стол на ко'злыках*», «*стил на кры'жках*», «*ко'зэл*», «*стил на схрэцэных лапах*». Столешница в большинстве случаев крепилась к ножкам стационарно, однако в ряде случаев респонденты утверждают, что в давнишних столах она «*вильно лэжала*» (Бойченко 2005, 158). Для изготовления столов использовали сосну, ясень, дуб (Сивак 2003, 137–138). Например, «*стил на 4-х ніжках, сколочэный з соснавога чы дубавога дэрэва*» упоминают источники середины XIX в. (1854 г.) из бывшего Овручского уезда (Зеленин 1914, 318). Их могли делать как из одной породы древесины (чаще твердой), так и комбинировали. Скажем, если ножки изготавливали из сосны, то столешницу из дуба или ясеня (Сивак 2003, 138). Встречались столы, в которых столешница из ивы, а ножки из березы (Сивак 2003, 138).

Что касается размеров, то на Полесье преобладали достаточно небольшие столы. Высота стола обычно колебалась в границах 0,75–0,9 м (старались, чтобы верх столешницы находился на одном уровне с шестком – «*прыпичком*»), длина прямоугольной столешницы чаще

ФОТО 1. Стол на «кизлах»; с. Вэлыки Цэпцэвычы
Володимирецкого р-на Ровенской обл.

всего колебалась в границах 1–1,4 м, ширина – 0,6–0,8 м. Правда, столы могли быть несколько шире (Сивак 2003, 138) или (даже значительно) уже. Скажем, в 1870-х гг. украинский писатель Иван Нечуй-Лэвицкий на Подляшье (Белоподлясское воеводство) описал стол хаты бедняка шириной только поларшина (35 см) (Нечуй-Лэвицкий 1995, 70). В то же время в отдельных случаях встречались столы значительно длиннее. К примеру, в с. Бэрэзовэ (Волод. Ров.) нами зафиксировано стол начала XX в. таких размеров: высота 0,76 м, ширина 0,71 м, длина 2,08 м. Параметры стола первой четверти XX в. из с. Барышив (Ем. Жит.) следующие: высота 0,77 м, ширина 0,7 м, длина 3,06 м. Согласно данным Адама Киркора столы больших размеров бытовали также на Припятском Полесье (Киркор 1882, 346).

В конструктивном смысле самые простые подвижные столы составляла одна массивная доска-столешница с двумя поперечными утолщениями в нижней части, в отверстия которых закрепляли ножки (г. Гродно Стол. Брест.; Беларусь) (Свирида 1979, 59 (Рис.: «Столы». 1), 62; Верговський 2012, 160; Данилюк 2001, 66), или столешница из одной широкой или нескольких узких досок, укрепленных «шпугамы» (в последнем случае ножки устанавливали в местах «шпуг»: с. Клитыцьк К.-Каш. Вол.) (Свирида 1979, 59 (Рис.: «Столы». 5), 62). Такую конструкцию известный польский этнолог Оскар Кольберг отмечал в жилищах пограничья Холмщины и Подляшья («шпугы» здесь называли «порогамы») (Kolberg 1890, 54). Как резонно утверждают ученые, от скамейи скамеек (о них речь пойдет ниже) такие столы отличались только размерами и тем, что для большей стойкости ножки иногда соединялись поперечинами (Данилюк 2001, 66; Свирида 1979, 62).

Относительно столов на двух перекрестных ножках («козлыках»), то хотя некоторые исследователи локализируют их в «отдельных районах Среднеприпятского Полесья (Украины. – Р. Р.), которые граничат с Беларусью» и в Беларуси (Свирида 1979, 62), источники и наши полевые материалы свидетельствуют о том, что ареал их бытования на Полесье Украины значительно шире (Кор. (Сивак 2003, 139), Ол., Мал., Луг., Ем. Жит.; К.-Каш. (Свирида 1979, 59 (Рис.: «Столы». 3)), Любом., Шац. Вол.; Рок., Волод., Сар., Дуб., Берез. Ров. и др.). Известны такие столы (на «крыжках») и на Подляшье (бывшая Седлецкая губерния (Moszyński 1929, 522), Белоподлясское воеводство

ФОТО 2. Стол на «ножках» с неширокой царгой и выдвижным ящиком; с. Судчэ Любешовского р-на Волынской обл.

(Нечуй-Левицкий 1995, 70)). Украинский исследователь Василь Сывак считает стол на двух перекрестных ножках одним из наиболее распространенных в Украине и наиболее древних за происхождением (Сивак 2003, 139) (такую конструкцию стола можно увидеть на одной из миниатюр Радзивилловской летописи (ЛР, 157 (Рис. 230)). Необходимо отметить, что в ряде населенных пунктов на западе Полесья респонденты подчеркивают, что предшественниками столов на четырех вертикальных ножках были столы «на козлыках» («на *схрэцэньных лапах*») (Бойченко 2003, 82; Бойченко 2005, 158). В пользу широкого бытования таких столов на севере Украины уже в середине – второй половине XIX в. говорят материалы из территории Подляшья (Нечуй-Левицкий 1995, 70; Moszyński 1929, 522) и Западного Полесья. В частности, украинский искусствовед Микола Моздыр, проанализировав иллюстративный материал польских исследователей (И. Крашевского, О. Кольберга), отмечает, что в середине – второй половине XIX в. столы были достаточно примитивными: «несколько или одна широкая доска положена на козлах или закрепленных в глиняном полу ножках с двумя перекладинами» (Моздир 2008, 166). Более подробное описание конструктивного решения «стола на козлыках» (как и иллюстрацию) из с. Грабы (Кор. Жит.) представил В. Сывак. Столешница стола сложена из трех досок, скрепленных внизу двумя поперечными «шпугами». Х-образные ножки в местах перекрещивания соединяет брусок, который проходит сквозь сквозные отверстия и фиксируется с внешней стороны ножек вертикальными колками (Сивак 2003, 137, 139). Целесообразно отметить, что в конструктивном смысле этот стол практически до самых мелких деталей сходен со столом на иллюстрации Козарского (1862 г.) из бывшей Седлецкой губернии (Moszyński 1929, 522). Отметим, что в отдельных случаях (при значительной длине такого стола) столешницу поддерживали три пары «козлыки» (с. Бэрэзовэ Волод. Ров.).

Что касается столов с неширокой царговой частью (с одним или двумя выдвижными ящиками), к которой крепились столешница и четыре ножки, которые в XIX в. были основным типом стола в Украине (Моздир 2008, 166), то имеющиеся у нас материалы из Полесья дают возможность констатировать их бытование в этом крае только

ФОТО 3. Стол с шестью мискообразными углублениями;
с. Ясиня (приселок Кэвэлив) Раховского р-на Закарпатской обл.
(реконструкция); Закарпатский музей под открытым небом (г. Ужгород)

на рубеже XIX–XX вв.² Господство такого типа стола наступает только в 20–30-х гг. XX в. (Сывак 2003, 139). Упоминаний о том, что в полесских селах бытовали столы с широкой царговой частью (так называемый «стил-скрыня») не имеем (Гвоздевич 2006, 512). Только на иллюстрации интерьера жилища из бывшего Радомышльского уезда, выполненной французским инженером Домиником Пьером Дэ ля Флизом (1852 г.), изображен стол (IP ЦНБ, 15), который можно рассматривать как стол с широкой царгой. Однако некоторые его конструктивные особенности (скажем, расширение верхней части кверху, присутствие в ее передней плоскости замка и др.) наводят на мысль, что скорее всего на иллюстрации изображен сундук, поднятый на ножках. Тем более что в синхронных (1854–1855 гг.) материалах из более восточной (с. Макиивка Васыльковского уезда) части Киевщины отмечается: «В избе всегда стол, а у кого его нет, то ставят на сошках сундук хозяйки с ее вещами» (Зеленин 1915, 631). Д. П. Дэ ля Флиз тоже отмечал, что на Киевщине (очевидно, имея в виду ее южную, лесостепную часть. – Р. Р.) функцию стола иногда исполнял сундук (Де ля Флиз 2006, 154).

Встречались на Полесье и стационарные столы: столешница, установленная на вкопанных в землю столбах. Скажем, описывая хату одинокого «бобыля» (Брянско-Жиздринское Полесье), М. Косич отмечает: «...вместо стола вкопанные в землю 4 столбика и на них положено две сбитые досточки» (Косичъ 1906, 87). Небольшой стол, «выготовлэный з одниейи короткойи колэнойи дошки-стильницы, встановлэнойи на сишках, закопаных у доливку» был обнаружен научными работниками Киевского скансена в начале 1970-х гг. в избе второй половины – конца XIX в. из с. Блажовэ (Рок. Ров.) (Верговський 2012, 160). Столы такой конструкции встречались в XVIII в. на Слободской Украине («Топографическое описание Харьковского наместничества», 1785 г.) (Багалій 1990, 168). На бытование такого типа столов в славян указывал также К. Мошинский³. Однако, по на-

² Например, такой стол (з одним выдвижным ящиком) мы видим на изображении интерьера хаты из с. Собачын (Ол. Жит.); фото С. Таранушенка 1931 г. (Таранушенко 2012, 74).

³ Исследователь отмечал, что у славян встречаются очень примитивные формы столов – доски, установленные на вбитых в землю столбах с рассохой. В то же время ученый обращал внимание на то, что у некоторых угро-финских народов такие

шему мнению, только частично можно согласиться с утверждением отдельных исследователей о том, что первичные формы подвижных столов «появились вследствие развития их из неподвижной конструкции» (Свирида 1979, 62).

На Речицком Полесье сохранились отдельные предания о столах, сооруженных из глины⁴, которые когда-то (очень давно) встречались в здешних избах, отапливаемых по-черному. Согласно материалам К. Мошинского (позаимствованными у Ч. Питкевича) их сооружали следующим образом. В глиняном полу выкапывали прямоугольное углубление, глубиной «в колено». Стенки ямы укрепляли колотыми досками или густо вбитыми в землю кольями. Посредине этого углубления сооружали глиняный стол в виде удлиненного прямоугольника. Этот стол выступал над уровнем поверхности пола на 1–2 «пяди» (45–50 см). Кругом стола оставляли специфическое углубление: когда ели – садились на глиняный пол, а ноги опускали в углубление (Moszyński 1929, 581). К. Мошинский отмечал, что такие столы (на открытом пространстве или внутри временных жилищ) известны местами как на Балканах, на Руси, так и навнеславянских землях (Moszyński 1929, 582). Он также отмечает, что следы похожих столов на Полесье сохранились в лесных, болотистых местностях, где люди занимаются лесозаготовками, изготовлением смолы и др., а также местами на Киевщине (Moszyński 1929, 582). В контексте сказанного целесообразно вспомнить похожие земляные «столы» («стивныци», «столыци»), которые сооружали пастухи-подростки в западных областях Украины (Надсянье, Бойковщина) в канун «Зэлэных свят» (св. Троицы) или праздника Петра и Павла⁵.

столы располагались не только в жилище, – их использовали также при исполнении обрядов под открытым небом, в качестве алтаря для жертвоприношений (Moszyński 1929, 583).

⁴ Исследователи высказывают мнение касательно поисков прототипа стола в глиняных отмостках прямоугольной формы скифо-сарматских времен в Нижнем Поднестровье, в так называемом «глиняном столе» в домах жителей Неаполя Скифского или в глиняном крестообразном возвышении алтаря, обнаруженного в одной из построек трипольцев. В то же время они отмечают, что эти земляные возвышения еще не дают оснований утверждать, что населению этих культур был известен прототип стола (Моздир 2008, 164–165).

⁵ Вот как описывает такое торжественное действие в форме праздничной игры («зэлэноха») пастухов-подростков «на Зэлэни свята» (св. Троицы), которое сохранялось еще в 1930-х гг. на территории Надсяння (с. Поланкы Яворовского р-на

ФОТО 4. Мискообразная скамеечка;
регион Карпат (Надсянье)

В источниках XIV–XV вв. лексема «столь» встречается в значениях епископской кафедры, престола, стола; «столеуъ» – символ верховной власти, престол, епископская кафедра, апостольский престол, престол Папы римского, местонахождение судебной инстанции, должность (служебное положение) [39, с. 388–389]. Часто лексема стол встречается в древнерусской литературе: «сѣдиши на... златокованѣм столѣ» («Слово о полку Игореве») (Моздир 2008, 165). Древнерусское «сѣдѣти на столѣ» – княжить, властвовать; «на столѣ посадити» – возвести на престол, «правити стол» – княжесествовать (Топорков 2012, 171). На основании анализа древнерусских источников К. Мошинский отмечал, что термины славянских князей «столэуъ», «стольциъ» или «столэк», как и греческий термин «трон», первично обозначали просто сидение или кресло (собственно, почетное место для сидения) (Moszyński 1929, 578). С этим созвучны выводы Александра Харузина, который отмечает тождественность лексемы «стил» («стуль») для обозначения как стола, так и сидения (Харузинъ 1907, 205).

Учитывая эти выводы, а также то, что во внутренней обстановке полесской избы со столом (на высоких ножках) по некоторым показателям (конструктивным, функциональным и т. п.) связаны отдельные предметы, предназначенные для сидения (небольшие скамьи, маленькие скамеечки и др.), считаем необходимым рассмотреть их разносторонние особенности в нашей работе.

Львовской обл.), украинский народовед Я. Береза: «Дзень пэрэд святкамы копають у мурави «стил»: два равнобижни, нэшыроки ривци (якраз таки, щоб сивши на мурави, можна було вигидно спустыты ногы). Посэрэдыни – подовгуватый стил. На ньому посэрэдыни выризаны хрэстык и дирка на пляшук и чарку. Вранци на Зэлэни святкы маять «стил» «маем», застэлюють хустыною та сядаютъ». После этого собравшиеся угощались (угощенье называли – «зэлэнюх»). Аналогично праздновали здешние пастухи и день св. Петра и Павла, только, как отмечает автор, канавки выкапывали уже не с двух, а с четырех сторон стола и не «замаювалы» его ветками (Береза 1936, 179). Похожий обычай под названием «запусты», или «запускы», исследователи фиксировали и на Старосамборщине во Львовской обл.: «Суть цього звичаю полягає в тому, що приблизно за два-три тижні до визначеної пори пастухи «запуцалы» однэ полэ: забывалы у землю «виху» – смэрэку мэтрив дванадцять («сама чым найвыща – то тым найгарниша»). Йийи обтисувалы вид гилля, лышаючы лышэ вэршок, замаювалы «лентамы», «стёжками». У прызначэный дзень... Кожэн пастушок нис из хаты ййжу... У дэрні выризалы «стивныцю», «стольцию», так, щоб була змога опустыты у прокопаны по пэрымэтру ривчак ногы. Посэрэдыни импровизованого стола выризалы цэ хрэст. Кожэн выкладав свойи продукты и вси разом почыналы йисты...» (Галайчук 2010, 174; Зубрицький 1900, 47).

К повсеместно распространенным в интерьере полесского жилища XIX в. элементам внутренней мебелировки принадлежит скамья («осли'н», «осло'н», «ослу'н», «услу'н», «услу'н», «слон», «слонь», «слун», «слуон»). Иногда ее обозначали и иными лексемами: «стилэ'уь», «столэ'уь», «столе'у», «стуле'у», «стулэ'уь», «до'вги сто'леу», «ла'ва», «коно'па». «Ослин» – это небольшая передвижная скамья, основой которой служит прямоугольная горизонтальная гладкопростроганная доска, установленная на ножках. Ширина доски колебалась в пределах 0,2–0,3 м (иногда встречались более широкие «ослоны» – до 0,4 м); длина могла быть различной, преимущественно от 0,8 до 2-х м, высота чаще всего достигала 0,5–0,65 м⁶. Случалось, что доску заменяла плаха (полубревно, горбыль), протесанная с верхней стороны (Данилюк 2001, 66) (с. Гирки Любеш. Вол.). Чаще всего опорой «ослона» служили четыре ножки, вбитые в выдолбленные под углом гнезда доски (Сивак 2003, 135). В местах крепления ножек более давних «ослонив» с нижней стороны доски иногда присутствуют утолщения (с. Дидковичи Кор. Жит.) (Свирида 1979, 59 (Рис. «Ослоны». 11)) или две поперечные «шпугы», соединенные с доской зарезом типа «лысыца» (с. Буки Мал. Жит.) (Сивак 2003, 135). Иногда вместо ножек использовали «надыбки» (ветки, корни с естественным разветвлением и т. п.). Временами ножки со скамьей составляли одно целое: скамью изготавливали из куска древесины (соответственной длины), отколотой вдоль от суковатого ствола; соответственно обрубленные ветки которого служили ножками (Данилюк 2001, 66; Моздир 2008, 163). Например, в скамье из с. Благовэ (Рок. Рив.) использовано доску с ножкой-«надыбком», а вместо второй пары ножек – задолблено рассоху (Верговський 2012, 160; Свирида 1979, 59 (Рис. «Ослоны». 11)). Изготавливали «ослоны» преимущественно из сосны, реже – из дуба или ясеня (из твердых пород чаще делали ножки) [37, с. 135–136]. На основании археологических материалов можно предположить, что подвижные лавы типа «ослона» в Украине имеют достаточно давнюю

⁶ Размеры «ослона» автор определяет на основании личных полевых материалов и литературных источников. Скажем, соответственно с данными В. Сывака из Среднего Полесья параметры «ослона» преимущественно следующие: длина до 2-х м, ширина 20–25 см, высота 65 см (Сивак 2003, 135).

традицию (по крайней мере, в отдельных местностях), поскольку их единичные находки датируют VIII–X вв.⁷

Иной разновидностью передвижной мебели были маленькие скамеечки («осли'нчык», «ослу'нчык», «осло'нчык», «сло'нчык» «слу'нчык», «слын», «слуйн», «слон», «сти'льчык», «сту'льчык»). От «ослолив» они отличались значительно меньшими размерами и высотой (преимущественно от 0,25 до 0,4 м). По конструктивному решению исследователи выделяют несколько их типов (Сивак 2003, 137). В конце XIX – первой половине XX в. наиболее распространенными, безусловно, были прямоугольные или приближенные к квадрату скамеечки, установленные на четырех ножках (крепление ножек осуществлялось таким же образом, как и в скамейках больших размеров). В более новых скамеечках и скамьях (середина – вторая половина XX в.) опорой часто служили два обрезка доски, нередко декорированные сквозными вырезами (ср. Базар, Васкивци Нар., Вэлыкый Лис Кор. Жит. и др.) (Сивак 2003, 135, 137). В то же время, к наиболее примитивным (а соответственно – и наиболее давним (Моздир 2008, 163)) относятся «ослинчыкы» с использованием «надыбкы» или собственно «ослинчыкы-надыбкы» – отрезки ствола дерева, в которых ножками служили три ответвления веток (с. Заруддя Ив. Киев.) (Свирида 1979, 63; Сивак 2003, 136) или корня (Моздир 2008, 163). Для последних иногда использовали деревья, вывернутые бурей, в которых хорошо просматривалась структура корневой системы (с. Славовычи Рат. Вол.) (Моздир 2008, 163). Скамеечкой могла служить и просто «ко'вбыця» – фрагмент ствола дерева (как это видно в интерьере полесской хаты из Радомышльского уезда на рисунке Д. П. Дэ ля Флиза) (IP ЦНБ, 15). Заслуживают внимания скамеечки с использованием для сидения «надыбкы» хомутообразной (с. Соловыи Стар. Вол.) или треугольной (с треугольным отверстием посередине) формы, установленных на

⁷ Имеется в виду находка украинского археолога Мыхайла Фылыпчука в поселении Плисиэньско (этнографическая Волянь. – Р. Р.). Здесь сохранились остатки лавы – обгоревшая доска длиной 0,7 м и шириной 0,35 м с «четырьмя сквозными отверстиями, диаметром до 0,03 м», а под доской удалось обнаружить «следы ножек, в виде колков, диаметром 0,035–0,04 м и максимальной длиной до 0,4 м». По мнению автора, эта лава очевидно была подвижной и при необходимости передвигалась. Автор отмечает, что похожая лава (длиной 1,8 м) была найдена также в поселении Городок (Подолье) О. М. Прыходнюком (Филипчук 2012, 170).

трех–четырёх ножках: с. Ивановысль К.-Каш. Вол. (Свирида 1979, 59 (Рис. «Ослоны». 9, 10)). К отдельному, и, безусловно, тоже архаическому типу, принадлежит так называемый мискообразный («*мыскоподибный*») «*ослинчык*» – обтесанный накругло отрезок ствола (доска), с выдолбленным мискообразным углублением в верхней части, установленный на трех, задолбленных в него, ножках. Они могли быть круглыми, диаметром приблизительно 30 см (с. Злобычи Кор. Жит.) (Сивак 2003, 136), или овальными, с параметрами наибольших ширины и длины 29 x 41 см (с. Топильня Луг. Жит.). Аналогичные мискообразные скамеечки (иногда со сквозным отверстием незначительного диаметра в центральной части) встречались также в регионе Карпат (Надсянье, Бойковщина)⁸. Заслуживает внимания еще одна конструктивная разновидность «*ослинчыка*», обнаруженная нами в с. Стэчанка (Чор. Киев.)⁹. Его основанием служит 12-гранная рама кубической формы, изготовленная из гнутых по углам (специфическим образом) сосновых веток, верх которой заплетали дранкой. Полностью аналогичное в конструктивном смысле «кресло» встречалось у вотяков Казанской губернии (Moszyński 1929, 576 (Rys. 488. 2), 577). Его устанавливали при столе, в почетном углу хаты – здесь сидел хозяин во время обеда и приема гостей (на это кресло запрещалось садиться женщинам) (Moszyński 1929, 577–578). На Ровненщине (с. Вельки Цэпцэвычи Волод. Ров.) и Полесье Беларуси (окрестности г. Лунинец) известны специальные скамеечки («*слын*», «*хрэст*»), на которые ставили хлебную дежу – крестообразные подставки на четырех ножках (Мошков 2012, 184; Moszyński 1929, 584). Необходимо отметить, что практически все отмеченные выше конструктивные разновидности скамеечек (как наиболее распространенные – прямоугольные, так и мискообразные или хомутообразные, стульчики-«*надыбкы*» на обрезках веток или корней и др.) имеют аналоги и у других славянских народов (начиная Балканами и оканчивая северными окраинами славянского мира) (Moszyński 1929, 579 (Rys. 489)).

⁸ Мискообразный «*ослинчык*» овальной формы со сквозным отверстием (диаметром приблизительно 2,5 см) в центральной части, который опирался на три ножки, мы обнаружили в с. Трушэвычи (Старосамборского р-на Львовской обл.).

⁹ Скамеечка аналогичной конструкции из Чернобыльской зоны отчуждения сохраняется в фондах Государственного центра защиты культурного наследия от техногенных катастроф (ДЦЗКСТК).

Что касается функционального использования, в жилище XIX – начала XX в. маленькую скамейку преимущественно использовали при недолговременных трудовых действиях (на нее садились хозяйки, когда хозяйничали возле кухонной плиты, убирали картошку, доили корову и т. п.). Отдельную скамеечку («во'дник» «во'дник») часто размещали возле входа, слева или справа от двери (на ней стояло ведро с водой) (Сивак 2003, 137)¹⁰. Относительно мискообразного «ослинчика», то его функционального назначения нынешние респонденты обычно не помнят. Например, в с. Топильня (Луг. Жит.) респондент объясняет, что *«дед говорив... на нёму харашо сидеты, як пасэш худобу»* (что, по нашему мнению, является достаточно сомнительным). Согласно иной версии, которую в 1970-х гг. зафиксировал главный хранитель Львовского скансена Марко Мандюк в Карпатском регионе (Бойковщина), на таких скамеечках (с небольшим сквозным отверстием в центральной части) отжимали творог (в углубление клали творог, завернутый в полотно, сверху – досточку, на нее – камень; под отверстие в скамеечке устанавливали посудину на отжатую жидкость). На Лемковщине мискообразную скамеечку (на достаточно высоких ножках) подставляли под корыто на муку возле жерновов (Сополига 1983, 183).

Скамейка больших размеров, как правило, стояла перед столом (собственно вдоль его длинной стороны) – на нее садились, употребляя пищу, выполняли на ней отдельные домашние работы. В некоторых местностях (с. Любовичи Мал. Жит.) на «ослин» клали покойника, на нем наряжали невесту в свадебную одежду (с. Макалэвычи Рад. Жит.) и т. п. (Сивак 2003, 134–135). Иногда (в более новых постройках) отдельную скамью устанавливали возле печи в месте запечка (по ней вылезали на печь) (Сивак 2003, 135).

Однако «ослин» мог иметь и иное назначение – иногда его использовали и для приема пищи. В большинстве случаев это касается детей. В частности, в некоторых селах Рокитновского р-на (Ров.) детей за стол допускали *«лышиэ пид час вэлыких свят (Риздво, Вэлыкдэнь, Трийця)»*, а повседневно – *«дорослийшы за столом, а диты – доли на лави, на ослони»* (Боренько 2009, 99). Это же касается и Полесья Бе-

¹⁰ На Лемковщине (Карпаты) на эту скамеечку садился нищий (полесское – «старэцъ». – Р. Р.) (Сивак 1999, 284).

ларуси. К примеру, И. Сербов, описывая полещуков-«сакунов», отмечал, что во время обеда или ужина за стол садятся только мужчины, а женщины едят стоя или примостившись на «ослонах» (Сербов 1915, 12). В то же время в с. Рэмчыцы (Сар. Ров.) фиксируем информацию о том, что когда-то («до войны») в будни пищу принимала на «осло-ни» вся семья: *«Ставыли слон, слончыкы... на слон [ставылы] такое дэрэв'яное корытуэ...сядали на слончыкышелы з корытуэ»*. С этим созвучны материалы К. Мошинского из территории Холмщины и Подляшья (Руси Любельской) и Бойковщины, где пищу принимали на маленьких столиках в виде табуретки (Moszyński 1929, 584) (местами на лемковско-бойковском пограничье такую табуретку называют «на-стоящий столэц» (Сивак 1999, 285), а в Беларуси – «столок» (Харузинь 1907, 204)). Согласно данным украинской исследовательницы Таисии Гонтар, на большей территории карпатского края семья употребляла пищу за столом только во время больших календарных и семейных праздников, повседневно же ели за широкой переносной лавой («столэц», «мыцэный столэц»), которую ставили посредине жилого помещения. Все члены семьи садились на низенькие стульчики, которые после убирали под лаву. Исследовательница связывает этот обычай с продолжительным сохранением у украинских горцев системы отопления по-черному (Гонтар 1979, 57–58). Похожая информация зафиксирована и в Западном Подолье. Скажем, соответственно информации из с. Варварынцы Теребовлянского р-на Тернопольской обл., когда-то за столом обедали только в воскресенье («як прыйшлы з цэрквы») и, как обычно, в праздники, а в будничные дни пищу принимали на «ослоны», сидя на маленьких стульчиках. Только по праздникам семья садилась принимать пищу за стол на Буковине (Якимович 2008, 75) и Покутье (сс. Стрыганци, Добровляны, Клубивци, Вильшаныця Тысменицкого р-на; Гаврыляк, Бортныкы Тлумацкого р-на Ивано-Франковской обл.). Причем в некоторых селах (Добровляны, Клубивци) старожилы подчеркивают, что это делали только в большие праздники (Пасха, Рождество, Троица). Из Покутья имеем информацию об использовании в будни для употребления пищи хлебной дежи («йшлы коло дижы»), которая здесь была поднята на трех ножках (сс. Сокрычын, Ныжнив, Олэша Тлумацкого р-на Ивано-Франковской обл.). К стати, в свое время К. Мошинский тоже от-

мечал, что местами у южных славян (на значительной части Балкан), а частично и у славян северных (в Малопольше, на северо-западе Малой Руси) стол на высоких ножках использовали только для праздничных торжеств, а повседневно пищу принимали на лавах. Причем ученый подчеркивал, что в Малопольше и на северо-западе Украины существовали целые села, где, согласно утверждению старожилов, в прошлом столов не употребляли, а ели на низких лавах, вокруг которых садились на низеньких скамеечках или даже на пнях (Moszyński 1929, 584). Это же касается некоторых районов Словакии (Топорков 2012, 166).

Для употребления пищи полешуки могли использовать и стационарную, установленную вдоль оконной стены скамью («лаву»), собственно ее часть, приближенную к «покути» (ближе пороговой стены на ней готовили пищу, пряли и т. п.). Из Среднего Полесья имеем воспоминания о том, что в прошлом в такойскамье устраивали углубления («мыскы») для пищи (Бойченко 2005, 157). Похожие материалы имеются и из территории Карпат. Например, польский ученый Ян Фальковский на Гуцульщине спорадически фиксировал информацию об использовании для этой цели «лавы», которая размещалась при оконной (лицевой) стене жилого помещения. Причем в такой скамьемогло быть несколько (она—три) выдолбленных мисок, с отверстием во дне, которое закрывали деревянным колком (одну из таких «лав» исследователь видел лично)¹¹. Аналогичную информацию зафиксировано и в с. Крыворивня (Верховинского р-на Ивано-Франковской обл.) (Гайова 2014, 111). Воспоминания о похожих скамьях(с одной выдолбленной миской) нам удалось зафиксировать на востоке Бойковщины (сс. Лэцивка Рожнятовского, Лукавыця Богородчанского р-нов Ивано-Франковской обл.). В то же время в Карпатах (Гу-

¹¹ Например, в работе о западной части Гуцульщины исследователь пишет: «Таким образом, например, у Стефана Лопатчука на Максимцю (приселок. – Р. Р.) была в лаве, между окнами, миска, из которой употребляли пищу каждый день. Остатки еды, которая оставалась в миске, выпускали сквозь отверстие в дне этой миски, которое затыкали деревянным колком. Этим же способом миску мыли. После употребления пищи и мытья миски ее накрывали кружком. В месте, где находилась миска, никогда не садились. С этой миски употребляли еду, приседая возле лавы. Пан Юлиан Бидзинский из гмины Зэлэна, который два года тому был на Максимцю, видел в одной из хат три такие миски в лаве под окном» (Falkowski 1937, 95). Информацию о похожих мисках в лаве под окнами исследователь получил также и в северо-восточной части Гуцульщины (Falkowski 1938, 40).

гуцульщина, Бойковщина), согласно свидетельствам исследователей, в прошлом бытовали невысокие (типа скамеечек) столы, с одной или несколькими мисками, выдолбленными в массивной столешнице. О них упоминают как украинские (Т. Кищук, П. Фэдака), так и польские (Р. Рейнфусс, Я. Кульчицкий) исследователи (АІН НАНУ, 15–17; Кищук 1987, 115; Фэдака 2005, 182; Reinfuss 1977, 138; Kulczycki 1947, 77). Скажем, воспоминания о похожем «*мыщеном столыци*» фиксировал украинский этнолог Антон Оныщук на Гуцульщине (Надворнянский р-н Ивано-Франковской обл.)¹². Эти мискообразные углубления имели отверстие в нижней части, которое закрывали колком (однако встречались столы и без этого отверстия). Сведения о них достаточно часто фиксированы и нами (сс. Розтока Ныжня Воловецкого; Люта, Тихий Великоберезнянского; Кэвылив, Дилова, Поляна Косивська Раховського р-нов Закарпатской обл.). Необходимо отметить, что похожий стол с шестью мисками, реконструированный местными гуцульскими мастерами, экспонируется в хате XVIII в. из с. Ясиня (приселок Кэвэлив) Раховского р-на Закарпатской обл. в Закарпатском музее под открытым небом (г. Ужгород) (Моздир 2008, 165). Вместе с тем, в экспозиции Львовского скансена демонстрируется оригинальный стол XIX в. из с. Лыбохора Турковского р-на Львовской обл. с выдолбленным неглубоким мискообразным углублением, приближенным к одному из углов (Данилюк 1991, 48). Воспоминания о столах с выбранными в столешнице «*мыскамы*» исследователи фиксировали и на Среднем Полесье (Бойченко 2005, 157). В частности, такой стол (с одним углублением) респондент видел в 1960-х гг. в с. Рокытно (Рок. Ров.)¹³. Соответствующую информацию получено в 1970-х гг. в с. Хочынэ (Ол. Жит.), «*одын чоловик колысь у сэли бачыв стил из навхрэснымы ногамыи стильныцую блызько 12 см товцыною та выдовбанымы 3–4 ямкамы для страв. Дошка на нижках нэ була закриплэна – вильно лэжала*» (Бойченко 2005, 158). О древности и

¹² В частности, исследователь записал предание о том, что в приселке Максимэньц «до недавнего времени не употребляли люди мисок, а ели так, что в «*лавици* була вірубана гі миска, а у споді буў чіп; насиплють молока у ту миску и харчуют, а вітак водоў полоче, відоткає чіп, а то спливе у валовеу тай готово; вітак була така плашка, що сі прикриє ту миску и уже мош сидати» (Онищук 1918, 37–38).

¹³ Інформацію записала викладач Львівського національного університету ім. І. Франка Богдана Олейко.

неслучайности похожих деревянных столов с мискообразными углублениями свидетельствуют средневековые (ориентировочно XVII в.) артефакты из территории Швеции, Швейцарии, Бретони, а также значительно более древние памятники (эгейский каменный столик с тремя мисками из г. Кнос; крито-микенская культура бронзового века) (Czajkowski 2001, 56–159).

От респондента из с. Рэмчыцы (Сар. Ров.), о котором уже шла речь выше (в контексте употребления пищи на скамейке из деревянного «*корытуця*»), получена опосредованная информация (ему рассказывал дед) о том, что в прошлом такое «*корытуце*» имело стационарно закрепленные ножки, по образцу ножек в «*ослони*». Не подразумевал ли рассказчик вышеупомянутых мискообразных скамеечек? И не было ли это их давнишним функциональным назначением? Тем более, что, например, в Скандинавии еще с эпохи бронзы происходят подставки на ножках (для употребления пищи) и деревянный овальный полумисок на ножках с углублением посередине (Kulczycki 1947, Tabl. XIII / 84–87). К стати, своеобразный «рогатый трон» с мискообразными углублениями (который, по мнению Б. Рыбакова, связан с выпечкой ритуального хлеба) найден в «святилище аграрного культа» на трипольском поселении Сабатиновка (Южный Буг) (Рыбаков 1981, 175–177).

Рассматривая стол, нельзя оставить без внимания его важного сакрально-ритуального значения в жилище. Стол в интерьере сельского жилища (как украинцев, так и других славян) был наиболее уважаемым предметом, местом осуществления главных домашних обрядов. У украинцев и белорусов он исполнял функцию своеобразного домашнего престола (алтаря): «Стол – святое место: это тот же престол Бога» (Чубинський 1995, 112), «Его [стол] называют троном или престолом Божиим» (Moszyński 1929, 584). Как и вообще в Украине (Чубинський 1995, 112), на Полесье стол всегда был накрыт скатертью, на нем лежал хлеб и соль в солонке: «...стил, звичайно накрыйтий скатэртиною, на якому завжды лэжыць начатый каравай хлиба» (Толмачевъ 1897, 240), «стил постийно накрыйтий скатэртию и на нёму завжды лэжыць хлиб» (с. Яполоть Кост. Ров.; (1854 р.) (Зеленин 1914, 308). Поведение за столом строго регламентировалось: по нему нельзя было стучать, на него нельзя было садиться, класть шапку и т. д. (Данилюк 1991, 47–51). Особенную функцию он ис-

полнял в календарной, свадебной, родильной, похоронной обрядности (Верговский 2012, 137–282; Несен 2005, 108–123; Топорков 2012, 165–170). В семантико-семиотическом отношении стол был непосредственно связан с культом предков: для них предназначались остатки пищи, которую оставляли на ночь после рождественского ужина, в дни почитания «дедов», «входчины» в новое жилище и т. п. (Верговский 1979, 77; Сілецький 2011, 369–372). Очень интересный (и по сути своей архаический) обычай, связанный со столом, бытовал в Карпатах (Западная Бойковщина): здесь самый старый член семьи мужского пола мог ложиться спать на столе. В частности, описывая быт жителей с. Мшанець (Старосамборский р-н Львовской обл.), выдающийся украинский ученый Иван Франко с удивлением отмечал: «Самый старый мужчина в хате, иногда отец, чаще дед, имеет привилегию спать на столе; привычка, неслыханная у жителей равнин, где стол считается святым местом, освященным хлебом, и на стол кладут разве что умерших малых детей» (Франко 1982, 86). Не случайность такой информации подтверждают и материалы Михайла Зубрицького из соседнего с. Киндратив (Турковский р-н Львовской обл.): «...*Отэць спыць на прыпичку (пэрэд чэлюстями пэчи. – Р. Р.), у дэкого старшый чоловик на столи, але рідко*» (Зубрицький 1895, 105). Похожую информацию зафиксировал также В. Сывак в Сколивском р-не той же области: «*На столи спалы... ришучэ спалы... Старшый чоловик в хати спав... [на стил] стэлы в соломы...*»¹⁴.

Что касается происхождения лексемы «стил» (старославянское – *столь*; праславянское – *stolъ*), то на нынешний день она общепринятой этимологии не имеет. В большинстве случаев ее связывают с глаголом «стояти» (стоять) или стелить («стелити», «розстилати») или существительным «возвышение, горб, материк» (ЕСУМ, 419; Топорков 2012, 166; Фасмер 1971, 764–765). Польский исследователь Казимир Макловский высказывал мысль о происхождении стола от срубленного широкого пня дерева и связывал лексемы стол («стіл», «stól») и столб («стовп», «stolp», «slup») (Maklowski 1903, 501). К стати, в Карпатах (Лемковщина) известны случаи, когда функцию стола исполняла массивная деревянная колода («пэнь») (Сополига 1983, 175).

¹⁴ Зап. Васылэм Сываком в 1994 г. в с. Плавье Сколивского р-на Львовской обл. от Грыбовыча Пэтра Ивановыча, 1913 г. рожд.

Таким образом, изложенный материал дает возможность сделать следующие выводы.

Вывод первый. Стол на высоких ножках в жилище полещуков (как и в некоторых других регионах Украины) начали использовать для повседневного употребления пищи достаточно поздно (в некоторых местностях – только в первой половине (второй четверти) XX в.

Вывод второй. Предшественниками стола, в отмеченном контексте, были невысокие переносные или стационарные скамьи, небольшие скамеечки (типа табуретки) и др. (в некоторых местностях – даже хлебная дежа). Эти предметы интерьера обычно использовали для употребления пищи в будничные дни, а за столом (при его наличии в доме) трапезы проводили только во время больших календарных и семейных праздников. Учитывая сказанное, а также то, что стол являлся особо почитаемым компонентом домашнего интерьера, местом совершения основных домашних обрядов, с уверенностью можно утверждать, что первичной его функцией в жилище была сакрально-символическая (а не бытовая).

Вывод третий. В конструктивном смысле прототипом полесского стола послужили, скорее всего, отдельные обиходные предметы – скамейки, скамеечки и др. (хотя некоторые конструктивные варианты безусловно были следствием внешних влияний и заимствований).

Вывод четвертый. Учитывая факт относительно позднего проникновения стола на высоких ножках в полесское жилище, а также выводы К. Мошинского и А. Харузина, согласно с которыми древнерусские термины «стил», «стуль», «столэць» и др. первично обозначали просто сидение или кресло (или в крайней мере их употребляли для обозначения как стола, так и сидения) и то, что полещуки подвижную скамью часто обозначают термином «столе'у», а маленькую скамеечку – «сти'льчик» (слова дериваты) можно предположить, что эти предметы домашнего обихода были предшественниками стола не только как места предназначенного для употребления пищи, но и в сакрально-символическом значении.

Вывод пятый. Еще в начале XX в. на Полесье (а особенно в регионе Карпат) сохранились очень архаические реликты стационарных скамей, передвижных скамеек и столиков с одним или несколькими выдолбленными мискообразными углублениями, которые использо-

вались для употребления пищи. Для этой же цели в прошлом, скорее всего, применяли и маленькие овальные или круглые мискообразные скамеечки (по крайней мере, некоторые из них). О древности и неслучайности таких предметов домашнего обихода свидетельствуют похожие находки времен средневековья, эпохи бронзы и энеолита, обнаруженные в различных местностях Европы (в том числе и на территории Украины). Семантико-семиотическое значение этих артефактов еще предстоит выяснить, однако с большой долей уверенности можно предположить, что первично они исполняли определенные сакральные функции.

Л и т е р а т у р а

- АІН НАН У – Архів ІН НАН України, ф. 1, оп. 2, од. зб. 31, арк. 15–17.
- ІР ЦНБ – Інститут рукописів ЦНБ ім. В. І. Вернадського НАН України, ф. 301 (ДА), № 206 п., 154 арк.
- Арциховский 1944 – А. В. Арциховский. *Древнерусские миниатюры как исторический источник*. Москва: МГУ.
- Багалій 1990 – Д. І. Багалій. *Історія Слобідської України*. Харків: Основа.
- Береза 1936 – Я. М. Береза. Будні і свята пастухів. *Життя і знання*. № 6, 177–179. Львів.
- Бломквист 1956 – Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки русских, украинцев и белоруссов (поселения, жилища и хозяйственные строения). *Восточнославянский этнографический сборник: Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в.* Москва: Изд-во АН СССР, 3–458.
- Бойченко 2005 – В. Бойченко. Відомості про с. Біловіж Рокитнівського району Рівненської області (кінець XIX – початок XX ст.). *Етнокультурна спадщина Полісся*. Вип. VI. Рівне: Перспектива, 143–188.
- Бойченко 2003 – В. Бойченко. Короткі етнографічні відомості про с. Полиці Камінь-Каширського району Волинської області кінця XIX – початку XX століття. *Етнокультурна спадщина Полісся*. Вип. IV. Рівне: Перспектива, 64–99.
- Боренько 2009 – Н. Боренько. Буденна, святкова та ритуально-обрядова їжа. *Етнологія Рівненського Полісся*. Упор. В. П. Ковальчук. Рівне: ПП ДМ, 93–110.
- Боряк 2009 – Олена Боряк. *Баба-повитуха в культурно-історичній традиції українців: між профанним і сакральним*. Київ: [Б. в.].
- Верговський 2012 – Сергій Верговський. Дослідження давнього житла Полісся. *Архітектурна спадщина Волині: Збірник наукових праць*. Наук. ред. П. А. Ричкова. Вип. 3. Рівне: ПП ДМ, 156–161.
- Верговський 1979 – Сергій Верговський. Давнє народне будівництво українського та білоруського Полісся. *Народна творчість та етнографія*. № 2. Київ, 74–80.
- Вовк 1995 – Хв. Вовк. Етнографічні особливості українського народу. *Студії з української етнографії та антропології*. Київ: Мистецтво, 39–218.
- Гайова 2014 – Є. Гайова. Характерні риси обладнання житлових приміщень та господарських будівель Верховинського району Івано-Франківської області. *Народна творчість та етнографія*. № 1. Київ, 108–116.

- Галайчук 2010 – Володимир Галайчук. Традиційні календарні звичаї та обряди Старосамбірщини. *Записки Наукового товариства ім. Шевченка*. Т. CCLIX. Львів, 138–178.
- Гвоздевич 2006 – Стефанія Гвоздевич. Народне меблярство Чорнобильщини другої пол. XIX ст. (за матеріалами експедицій 1998–99 рр.). *Народознавчі Зошити*. № 3–4. Львів.
- Гонтар 1979 – Т. О. Гонтар. *Народне харчування українців Карпат*. Київ: Наукова думка.
- Гурков 1988 – В. С. Гурков, Р. Ю. Гошко. Поселения. *Полесье. Материальная культура*. Киев: Наук. Думка, 279–333.
- Данилюк 2001 – А. Г. Данилюк. *Традиційна архітектура регіонів України: Полісся*. Львів: Видавничий центр ЛНУ ім. Ів. Франка.
- Данилюк 1991 – А. Г. Данилюк. *Українська хата*. Київ: Наукова думка.
- Де ля Флиз 2006 – Д. П. Де ля Флиз. Альбоми. Редкол. Г. Боряк, К. Вислобоков та ін. Т. I. Київ: Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. Грушевського НАН України.
- ЕСУМ – *Етимологічний словник української мови*. Ред. кол. О. С. Мельничук та ін. Т. 5. Київ: Наук. думка.
- Зеленин 1914 – Д. К. Зеленин. *Описание рукописей ученого архива Императорского русского географического общества*. Вып. I. Петроград: Типография: А. В. Орлова.
- Зеленин 1915 – Д. К. Зеленин. *Описание рукописей ученого архива Императорского русского географического общества*. Вып. II. Петроград: Типография: А. В. Орлова.
- Зубрицький 1900 – Михайло Зубрицький. Народний календар, народні звичаї і повірки, прив'язані до днів в тижні і до рокових свят (Записані у Мшанци Старосамбірського повіту і по сусідніх селах). *МУРЕ*. Т. 3. Львів, 33–60.
- Зубрицький 1895 – Михайло Зубрицький. Село Кіндратів Турецького повіта. *Житє і слово: вісник літератури історії і фольклору*. Т. 4. Львів.
- Киркор 1882 – Адам Киркор. Литовское Полесье. Белорусское Полесье. *Живописная Россия (Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении)*. Под общей редакцией П. П. Семенова. Т. 3. Ч. 1–2. Петербург–Москва.
- Кішук 1987 – Т. П. Кішук. Інтер'єр. *Народна архітектура Українських Карпат XV–XX ст.* Київ: Наук. Думка, 110–125.
- Косичь 1906 – М. Н. Косичь. О постройках белорусского крестьянина Черниговской губ., Мглинского уезда: села Росухи, деревни Бородинки и Амелькина хутора. *Живая старина*. Вып. 1. С. Петербург: Тип. М. П., 74–98.
- Косміна 1986 – Т. В. Косміна. Традиції та інновації в архітектурі народного Києва та Київщини. *Етнографія Києва і Київщини: традиції й сучасність*. Київ: Наукова думка, 157–200.
- Лисенко 1974 – П. С. Лисенко. *Словник поліських говорів*. Київ: Наукова думка.
- ЛР – *Літопис Руський*. Пер. з давньорус. Л. Є. Махновця; Ред. О. В. Мишанич. Київ: Дніпро, 1989.
- Миронов 1987 – В. В. Миронов, В. В. Наулко, Т. В. Косміна. Жилище. Украинцы. *Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры*. Москва: Наука, 101–146.
- Моздир 2008 – Микола Моздир. Народні меблі в Україні. Генезис. Еволюція форм. *Народознавчі Зошити*. № 1–2. Львів, 160–183.

- Мошков 2012 – [В. А. Мошков]. Село Большие Цэпцэвичи. Упоряд. А. Українець. *Західне Полісся: історія та культура*. Вип. IV. Рівне: Видавець О. Зень, 182–188.
- Несен 2005 – І. І. Несен. *Весільний ритуал центрального Полісся: традиційна структура та реліктові форми (середина XIX – XX ст.)*. Київ: Центр захисту культурної спадщини від надзвичайних ситуацій.
- Нечуй-Левицький 1995 – Іван Нечуй-Левицький. Мандрівка на українське Підлясся. *Пам'ятки України*. № 3. Київ, 71–79.
- Нидерле 1956 – Л. Нидерле. *Славянские древности*. Пер. с чешск. Т. Ковалевой, М. Хазанова, ред. А. Л. Монгайта. Москва: Изд-во Иностранной литературы.
- Оляничин 1937 – Домет Оляничин. Опис подорожі шведського посла на Україну 1656–1657 р. *Записки наукового товариства ім. Шевченка*. Ред. Іван Крип'якевич. Т. CLIV. Львів, 41–69.
- Онищук 1918 – Ан. Онищук. Народна пожива у Надвірнянському повіті. *Матеріали до української етнології*. Т. ХУІІІ. Львів, 37–38.
- Приходько 1975 – Н. П. Приходько. Некоторые вопросы истории жилища на Украине. *Древнее жилище народов Восточной Европы*. Москва: Наука, 245–275.
- Рыбаков 1981 – Б. А. Рыбаков. *Язычество древних славян*. Москва: Наука.
- Свирида 1979 – Р. О. Свирида. Обладнання традиційного житла Правобережного Полісся. *Народна творчість та етнографія*. № 3. Київ, 56–63.
- Сербов 1915 – И. А. Сербов. Бѣлоруссы-сакуны: Краткій этнографическій очеркъ. *Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ*. Т. ХСІV. Петроградъ: Топографія императорской академіи наукъ, 180 с.
- Сергеева 1999 – Марина Сергеева. Формування інтер'єру середньовічного житла. *Україні: історико-етнографічна монографія у двох книгах*. Кн. 2. Опішне: Українське Народознавство, 65–74.
- Сивак 2003 – Василь Сивак. Інтер'єр поліського житла. *Полісся України: матеріали історико-етнографічного дослідження*. Вип. 3. Львів: Інститут народознавства НАН України, 125–166.
- Сивак 1999 – В. Сивак, М. Сополига. Інтер'єр житла. Традиційні меблі. *Лемківщина*. Т. 1. Львів: Інститут народознавства НАН України, 278–293.
- Сивак 2007 – В. Сивак. Стіл. *Мала енциклопедія українського народознавства*. Львів, 570.
- Сілецький 2011 – Роман Сілецький. *Традиційна будівельна обрядовість українців*. Львів: Міністерство освіти і науки молоді та спорту України. Львівський національний університет ім. Івана Франка.
- ССМ – *Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.: у 2 т.* Ред. кол. Д. Г. Гринчишин, Л. Л. Гумецька, І. М. Кирицький. Т. 2. Київ: Наук. думка, 591 с.
- Сополига 1983 – Мирослав Сополига. *Народне житло українців східної Словаччини*. Братіслава: Словацьке педагогічне товариство; Пряшів: Відділ української літератури.
- Таранушенко 2012 – Стефан Таранушенко. *Постройки украинского Полесья. Хаты, стебки, клуни*. Харьков: Харьковский частный музей городской усадьбы.
- Толмачевъ 1897 – И. Н. Толмачевъ. *Юго-Западный край. Статистическое обозрѣніе. Восточное Польсье*. Т. 1. Киевъ: Типографія Штаба Киевскаго Военнаго округа, 480 с.

- Топорков 2012 – А. Л. Топорков. *Стол. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т.* Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 5. Москва: Международные отношения, 165–170.
- Фасмер 1971 – М. Фасмер. *Этимологический словарь русского языка*. Пер. с немец. и доп. О. Н. Трубачева. Т. III. Москва: Прогресс.
- Федака 2005 – П. М. Федака. *Народне житло українців Закарпаття XVIII–XX століть*. Ужгород, Гражда.
- Филипчук 2012 – М. Филипчук. *Слов'янські поселення VIII–X ст. в українському Прикарпатті*. Львів: Астролябія.
- Франко 1982 – І. Франко. Етнографічна експедиція на Бойківщину. *Зібрання творів: у 50 т.* Т. 36. Київ: Наукова думка, 68–99.
- Харузинь 1907 – Ал. Харузинь. *Славянское жилище въ Сѣверо-Западном краѣ: Изъ матеріаловъ по исторіи развитія славянскихъ жилищъ*. Вильна: [Б. в.].
- Чубинський 1877 – П. П. Чубинський. Малороссы Юго-Западного края: жилище, утварь, хозяйственные постройки и орудия. *Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Русским Географическим обществом Юго-Западного отдела*. Т. 7. Вып. 2. СПб., 339–606.
- Чубинський 1995 – Павло Чубинський. *Мудрість віків (українське народознавство у творчій спадщині Павла Чубинського): у 2-х кн.* Кн. 1. Київ: Мистецтво.
- Якимович 2008 – Анна Якимович. Інтер'єр народного житла Буковини (кінця XIX – початку XX ст). *Наукові записки: Музей народної архітектури та побуту у Львові*. Вип. II. Львів, 72–88.
- Baranowski 1919 – I. Baranowski. *Przemysł polski w XVI wieku*. Warszawa.
- Czajkowski 2001 – Jerzy Czajkowski. O pewnym unikalnym stole. *Acta scansenologica*. Т. 8. Sanok: Muzeum budownictwa ludowego w Sanoku, 157–166.
- Dmochowski 1934–35 – Zbigniew Dmochowski. Sprawozdanie ze studiów nad poleskiem budownictwem drzewnem w r. 1934–35. *Biuletyn historii sztuki i kultury*. R. 3. Warszawa, 331–334.
- Falkowski 1937 – Jan Falkowski. *Zachodnie pogranicze Huculszczyzny: Dolinami Prutu, Bystricy Nadworniańskiej, Bystricy Soljtwińskiej i Łomnicy*. Lwów: Wydawnictwo Towarzystwa ludoznawczego we Lwowie.
- Falkowski 1938 – Jan Falkowski. *Północno-wschodnie pogranicze Huculszczyzny*. Lwów: Wydawnictwo Towarzystwa ludoznawczego we Lwowie.
- Kolberg 1890 – Oskar Kolberg. *Chełmskie: Obraz etnograficzny*. Т. 33. Cz. 1. Kraków: W drukarni Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Kulczycki 1947 – J. Kulczycki. Praformy mebli na obszarze Europy. *Archeologia*. № 1. Warszawa, 43–89.
- Makłowski 1903 – Kazimierz Makłowski. *Sztuka ludowa w Polsce*. Cz. I–II. Warszawa: Nakładem księgarni H. Altenberga.
- Moszyński 1929 – Kazimierz Moszyński. *Kultura ludowa słowian*. Cz. 1: Kultura materialna. Kraków.
- Pietkiewicz 1928 – Czesław Pietkiewicz. *Polesie Rzeczyckie: Materiały etnograficzne*. Cz. I: Kultura materialna. Kraków.
- Reinfuss 1977 – Roman Reinfuss. Malarstwo ludowe w Polsce. *Ossol*. Kraków, 131–149.

Роман Радович

ПОЛЕССКИЙ СТОЛ: КОНСТРУКТИВНЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ, ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

(к вопросу о появлении стола в жилище Полесья)

Резюме

Этнологи рассматривают стол как разновидность народной мебели, предназначенной для употребления пищи. В то же время они отмечают, что в традиционном жилище стол занимал почетное место и в представлениях украинцев был связан с системой верований, обычаев, корни которых уходят в глубокую древность. Исходя из сказанного, становится понятным, что при исследовании эволюции стола, кроме рассмотрения его конструктивных особенностей, особое внимание следует сконцентрировать еще на двух важных функциональных аспектах: стол как предмет домашнего обихода, предназначенный для употребления пищи, и его сакрально-символическое значение в жилище. В конструктивном смысле прототипом полесского стола послужили, скорее всего, отдельные обиходные предметы – скамейки, скамеечки и др. (хотя некоторые конструктивные варианты безусловно были следствием внешних влияний и заимствований).

Стол на высоких ножках в жилище полешуков (как и в некоторых других регионах Украины) начали использовать для повседневного употребления пищи достаточно поздно (в некоторых местностях – только в первой половине (второй четверти) XX в. Предшественниками стола, в отмеченном контексте, были невысокие переносные или стационарные скамьи, небольшие скамеечки (типа табуретки) и др. (в некоторых местностях – даже хлебная дежа). Эти предметы интерьера обычно использовали для употребления пищи в будничные дни, а за столом (при его наличии в доме) трапезы проводили только во время больших календарных и семейных праздников. Учитывая сказанное, а также то, что стол являлся особо почитаемым компонентом домашнего интерьера, местом совершения основных домашних обрядов, с уверенностью можно утверждать, что первичной его функцией в жилище была сакрально-символическая (а не бытовая).

Учитывая факт относительно позднего проникновения стола на высокие ножках в полесское жилище, а также выводы К. Мошинского и А. Харузина, согласно с которыми древнерусские термины «*стил*», «*стуль*», «*столэц*» и др. первично обозначали просто сидение или кресло (или в крайней мере их употребляли для обозначения как стола, так и сидения) и то, что полешуки подвижную скамью часто обозначают термином «*столе'ц*», а маленькую скамеечку – «*сти'льчик*» (слова дериваты) можно предположить, что эти предметы домашнего обихода были предшественниками стола не только как места предназначенного для употребления пищи, но и в сакрально-символическом значении.

Еще в начале XX в. на Полесье (а особенно в регионе Карпат) сохранились очень архаические реликты стационарных скамей, передвижных скамеек и столиков с одним или несколькими выдолбленными мискообразными углублениями, которые использовались для употребления пищи. Для этой же цели в прошлом, скорее всего, применяли и маленькие овальные или круглые мискообразные скамеечки (по крайней мере, некоторые из них). О древности и неслучайности таких предметов домашнего обихода свидетельствуют похожие находки времен средневековья, эпохи бронзы и энеолита, обнаруженные в различных местностях Европы (в том числе и на территории Украины). Семантико-семиотическое значение этих артефактов еще предстоит выяснить, однако с большой долей уверенности можно предположить, что первично они исполняли определенные сакральные функции.